

Глава первая

МАТФЕЯ 28:19-20

Первая в Новом Завете ссылка на христианское крещение содержится в Великом поручении, приведенном в Мтф.28:19-20. Эти стихи дают, разумеется, основание полагать, что христианское крещение отличается от предшествовавшего ему библейского крещения, включая крещение Иисуса Иоанном, крещения Иоанна вообще и крещения, осуществлявшегося учениками Иисуса. О различии будет сказано ниже. Во всяком случае, последние напутствия Христа Своим последователям включали следующие слова: "Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам" (Мтф.28:19-20).

Ключевым термином этого завета является слово из стиха 19 "научите". Это единственный глагол, поставленный в двух этих стихах в повелительном наклонении. Другие глаголы здесь приводятся в форме деепричастия. "Идти" необходимо, чтобы иметь учеников, а слова "крестя" и "уча" следует рассматривать как *средства* для обретения учеников.

I. УНИКАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Первое, что поражает нас в этом отрывке, это *само упоминание* крещения в такой краткой и основополагающей заповеди. Примечательно также и то, что оно отличается от "всего" того, что Христос повелел ученикам соблюдать. Это особенно важно в связи с тем, что среди протестантов бытует мнение, что крещение — одно из "добрых дел" христианской жизни, что оно — один из "актов послушания", сравнимый со многими другими актами послушания, которые мы должны соблюдать лишь потому, что так повелел Бог. Если это так, то почему же крещение специально упомянуто и почему оно выделено из "всего, что Я повелел вам"?

Текст поручения дает основание полагать, что крещение имеет ни с чем не сравнимое значение в процессе обретения последователей. Мы можем согласиться с тем, что слово "все" (по-гречески "панта") означает добрые дела или акты послушания; характерные для христианской жизни; иными словами, оно относится ко всему объему освящения, которое следует после обращения в веру. Но хотя термин "все" широкий, крещение в него не включено. И совершенно очевидно, что крещение не расценивалось как одно из добрых дел христиан. Его значение отличалось от всех актов послушания, следовать которым должны были христиане, и простиралось за их пределы.

На уникальное значение крещения указывается в нескольких других отрывках Нового Завета, где упомянуто крещение и где упоминание о нем было бы неуместным, если бы представляло собой просто-напросто еще одно доброе деяние. Один из таких отрывков помещен в 1 Кор.1:10-17, который часто цитируется с противоположной целью, а именно, чтобы продемонстрировать незначительность крещения. В отрывке говорится:

"Умоляю вас, братия, именем Господа нашего Иисуса Христа, чтобы все вы говорили одно, и не было между вами разделений, но чтобы вы соединены были в одном духе и в одних мыслях. Ибо от домашних Хлоиных сделалось мне известным о вас, братия мои, что между вами есть споры. Я разумею то, что у вас говорят: «Я Павлов»; «Я Аполлосов»; «Я Кифин»; «А я Христов». Разве разделился Христос? разве Павел распялся за вас? или во имя Павла вы крестились? Благодарю Бога, что я никого из вас не крестил, кроме Криспа и Гаия, дабы не сказал кто, что я крестил в мое имя. Крестил я также Стефанов дом; а крестил ли еще кого, не знаю. Ибо Христос послал

меня не крестить, а благовествовать, не в премудрости слова, чтобы не упразднить креста Христова”.

На первый взгляд можно подумать, что Павел низводит здесь крещение до самых незначительных обязанностей и даже говорит о его выборочном характере. Ведь он же благодарит Бога, что крестил так мало людей (ст.14,16) и говорит, что ему было поручено не крестить, а благовествовать (ст.17). Но такое толкование отрывка было бы неполным и искаженным по целому ряду причин.

Во-первых, оно игнорирует *причины* радости Павла по поводу крещения столь малого числа людей, “дабы [как сказано в стихе 15] не сказал кто, что я крестил в мое имя”. Почему это важно? Потому что во времена ранней деятельности Церкви крещению придавали столь большое значение, что осуществлявший крещение человеческий посредник зачастую становился объектом особой приверженности, соперничающей с почитанием Христа, что приводило к созданию внутри Церкви различных фракций (ст.12-13). Такая опасность еще более возрастала, если крестители были людьми заведомо известными и авторитетными, как например, Петр, Павел или Аполлос. Павел выражает радость, что крестил так мало людей, чтобы круг крещенных им лиц не использовал бы это с целью отделения себя от остальных христиан. Его рассуждение предполагает *важность* крещения, отнюдь не свидетельствуя о его незначительности.

Во-вторых, поручение Павла (ст.17) не могло по существу отличаться от того, которое дал Христос в Мтф.28:19-20. Хотя конкретной задачей Павла было благовествование, его нельзя было *отделить* от крещения. Это означало лишь, что ему не нужно было крестить *самоу*; он мог возложить эту часть поручения на других, избегая тем самым возможность раскола. Он, несомненно, полагал, что все обращенные им (и фактически все христиане) были крещены, ибо он часто говорил в своих трудах об их крещении (см. Рим.6:3 и далее; Гал.3:27). Павел отдавал приоритет своей проповеди, поскольку проповедь всегда становится впереди крещения в том смысле, что предшествует ему. Без проповеди не было бы самой веры (Рим.10:14), а без веры прежде всего не было бы и крещения.

В-третьих, такое мнение противоречит главному, чему учит отрывок из 1 Кор.1:10-17, а именно, что оно считается достаточно важным, чтобы быть приведенным в самой изысканной компании. В стихе 13 говорится: “Разве разделился Христос? разве Павел распялся за вас? или во имя Павла вы крестились?”.

Здесь тем, кто подвергает Церковь опасности разделения в зависимости от их дополнительной приверженности к человеческим лидерам, следует учесть три момента: а) Церковь — тело Христово. Когда вы делите Церковь, вы делите само тело. Неужели вы захотите взять на себя вину за подобное оскорбление? б) Именно Христос был распят за вас; именно Христос совершил подвиг, которым приобрел Себе Церковь Кровью Своею. Не ставьте меня (Павла) на такой возвышенный пьедестал наравне с Христом; я не искуплял ваши грехи. в) Вы крестились во имя Христа, а не Павла. Не приобщайте человеческое имя к этому акту, который устанавливает связь между вами и главой Церкви.

Вопрос заключается в следующем: "Неужели Павел вообще бы поднимал проблему крещения, особенно в свете таких важных событий, как распятие Христа и потенциальный раздел тела Христова, если бы оно не представляло собой один из важных и серьезных аспектов самого существования и жизни Церкви? Зачем бы ему столь страстно и на одном дыхании напоминать им о том, Кто был за них распят и во имя Кого они крестились, если бы крещение не считалось достойным такой увязки?"

Другой отрывок, выделяющий крещение из категории добрых христианских дел и свидетельствующий о его уникальном значении, помещен в Еф.4:4-6, где приводятся семь основ христианского единства: "Одно тело и один дух, как вы и призваны к одной надежде нашего звания; Один Господь, одна вера, одно крещение, Один Бог и Отец всех, Который над всеми, и чрез всех, и во всех нас". И вновь нас поражает "компания", в которой оказывается крещение! Если крещение сравнительно мало значимо или даже если оно не выделяется из других христианских заповедей и обязанностей, то зачем же выделять его из этих обязанностей и ставить в один ряд с намного более высокими и значимыми категориями? Оно соседствует с тремя ипостасями Троицы, Церковью (телом), небесами (надеждой) и верой. Можно спорить о том, является ли выражение "одна вера" понятием объективным (одно учение, в которое веруют) или субъективным (наша общая вера). Даже если имеется в виду последнее, то вера оказывается единственным персональным деянием (помимо крещения), которое оказалось включенным в этот список. Как же можно отказываться признавать важность крещения, упомянутого здесь и в некотором смысле сравнимого

по значению, как минимум, с верой? (См. подобное перечисление в Евр.6:1-2).

Такие отрывки помогают нам оценить формулировки данного в Мтф.28:19-20 поручения. Они помогают понять, почему крещение упоминается особо и отделяется от соблюдения всех других повелений Иисуса. Крещение — не просто повиновение обычному повелению, типичное для выполнения нашего христианского долга как такового. Оно занимает уникальное место в Великом поручении и в процессе приобщения к вере других людей.

Свет на природу его уникальности проливается в рассказе о случае направляемого свыше практического осуществления поручения: Филипп и евнух — Деян.8:26-40. В контексте евангелизма, имея в виду обращение евнуха в веру, Филипп "благовествовал ему об Иисусе" (ст.35). Суть его благовествования сводится к одному слову — *Иисус*. Единственной зафиксированной реакцией на это благовествование является возглас евнуха: "Вот, вода; что препятствует мне креститься?" (ст.36). Напрашивается вывод, что евангельское благовествование об Иисусе включает в себя необходимость крещения. С точки зрения данного в Мтф.28:19-20 Великого поручения крещение — это то, чему учат *перед* обращением в веру, с тем, чтобы *стать* последователем, в то время как выражение: "Уча их соблюдать все, что Я повелел вам" *следует* за обращением в веру и относится уже к конкретным моментам христианской жизни.

II. ВО ИМЯ

В самом тексте элементом, подтверждающим уникальное значение крещения, является выражение: "во имя Отца и Сына и Святого Духа" (ст.19). Крестят в буквальном смысле *во имя* (по гречески, "*ейс то онома*") Троицы. Что означает это выражение и что оно говорит нам о значении крещения?

В библейском мире имя человека не было лишь удобным средством установления его личности, а считалось неотъемлемой частью самого человека, свидетельством о его качествах, характере и даже природе. Таким образом "имя Отца и Сына и Святого Духа" (всего одно имя) представляет саму *Личность* Троицы. Быть крещенным *во имя* Троицы означает то же самое, что и быть крещенным в Саму Троицу.

О том, что это значит, можно составить себе более четкую картину, если понять, как в ветхозаветные времена использовалось выражение "во имя". Многие полагают, что Иисус, по всей вероятности, говорил на арамейском языке, поэтому фразу следует понимать в ее семитском значении. Основным семитским эквивалентом имеет самое общее значение, а именно, "относительно или в отношении к". Однако в употреблении раввинов выражение обычно имело особый *конечный* смысл. В этом смысле действие, совершенное "во имя" чего-то, совершалось с определенной целью или намерением. Таким образом, Иисус поручил нам крестить людей во имя конкретной цели, относящейся к Троице, или вводя их в особые отношения с Троицей.¹

Точную природу этих взаимоотношений можно понять благодаря использованию греческой фразы, выбранной Матфеем (и одобренной Святым Духом посредством ниспослания вдохновения) при переводе с конкретного семитского оригинала. Эта фраза — "*εις το ονομα*", являвшаяся официальным термином, использовавшимся в мире греческого бизнеса и торговли. Выражение употреблялось, когда указывалось на перевод определенной денежной суммы или какой-либо собственности на счет, носящий имя хозяина.² Использование этого выражения в Мтф.28:19 указывает, что цель крещения — соединить нас с Троицей отношениями *собственности*; мы становимся Его собственностью особым интимным способом.³ Как отмечает М.Дж.Хэррис, поскольку фраза означает передачу собственности, то применительно к Мтф.28:19 ее следует понимать в том смысле, что "человек, которого крестят, переходит в собственность Троицыного Бога".⁴

Исходя из специфического значения данной фразы, мы можем понять, почему мы крестимся "во имя" всей Троицы. Бог-Отец заплатил цену, чтобы получить нас в качестве Своей собственности, а именно — Кровь Бога-Сына (1 Кор.6:19-20; 1 Пет.1:18-19). Он также отмечает нас печатью как Свою собственность, а именно Богом — Духом Святым (Еф.1:13). Все это отчетливо проявляется в крещении, где в отношении нас фигурирует цена покупки — Кровь Христа (Рим.6:3-4; Кол.2:12) и на нас ставится отметка о собственности — Святой Дух (Деян.2:38). Таким образом мы крещены "во имя Отца и Сына и Святого Духа"; актом крещения мы становимся собственностью Бога. Не удивительно, что крещение выделено в данном нам поручении ввиду его уникального значения!

III. НОВОЕ УСЛОВИЕ

Обсуждение мыслей, содержащихся в Мтф.28:19-20, дает основание полагать, что крещение не следует причислять к обычным актам повиновения, а нужно рассматривать как испытание обращения в веру, которое приводит нас к единению с Самим Богом. Итак, все, что стало известно нам из анализа этого отрывка, дает основание полагать, что крещение имеет *спасительное* значение, и этот вывод станет еще более обоснованным после предстоящего ниже обсуждения других отрывков. Фактически создается впечатление, что Бог ввел крещение в качестве *нового условия* спасения в эпоху Нового Завета в дополнение к тому, что требовалось в дохристианские времена (то есть веры и покаяния). Почему это так? Ответ может быть найден в Мтф.28:19-20, если поразмыслить над тем, что христианское крещение — это крещение во имя Троицы.

Некоторым трудно смириться с мыслью, что Бог добавил в век Мессии еще одно условие спасения, тем самым, очевидно, усложнив в настоящее время возможность спасения по сравнению с ветхозаветным периодом. Если тогда вера и покаяние могли обеспечить должные отношения с Богом, почему же сейчас положение изменилось? Ответ заключается в самом факте нашего перехода в новый век, век особо отмеченный фактическим исполнением искупительной деятельности и более полным проявлением тройственной природы Бога в связи с этой деятельностью. Этот переход столь радикален, что было не только выдвинуто новое условие, но и изменились прежние.

Недостаточно внимания уделяется тому, что *вера*, которая необходима для спасения в нашу эру, — это не та вера, которой было достаточно для спасения в более раннюю эпоху. В ту эпоху Бог принимал всех, кто подчинялся полному верховенству Бога Израилева и веровал в милостивые обетования Его щедрот. Это относилось ко всем евреям, которые сердцем веровали в *Одного Бога*, Который являл им Себя, а также к неевреям, познавшим откровение истинного Бога и по зову сердца следовавшим за Ним. Примером последних могут служить ниневитяне во времена пророка Ионы (Иона 3:10) и Корнилий — до того, как он уверовал в Христа (Деян.10:1-2).

Однако весьма отрезвляюще действует осознание того, что той веры, которой хватало для спасения и праведной жизни в ветхозаветные времена, не доставало для того, чтобы человек познал более полное откровение Евангелия Нового Завета. После того, как факты Евангелия стали известны людям, даже самые

стойкие верующие в Ветхий Завет встали перед выбором: либо принять более полное откровение Бога Израилева, либо перейти в разряд неверующих. Человек мог быть в одной ситуации спасен верой в Бога, Которого он знал по откровению Пржегнего Завета, и погибнуть в другой ситуации за отказ принять Христа в качестве искупления и более полного откровения Того же Бога. Среди тысяч людей, собравшихся на праздник Пятидесятницы в Иерусалиме, были, несомненно, и самые набожные евреи, так сказать — духовные "сливки общества". Но как только они услышали Евангелие, их можно было считать грешниками, если (и пока) они не примут Иисуса в качестве своего Спасителя. Это можно было бы сказать и о евреях, которые подвергались воздействию Евангелия в самый сложный период перехода от ветхозаветной веры в веру Нового Завета, включая Савла' (слышавшего проповедь Стефана — Деян.7:57-8:1) и евнуха (которому благовествовал Филипп — Деян.8:26 и далее). Эта мысль становится ясна из проводимой Павлом аналогии с маслиной в Рим.11:16 и далее, где он говорит, что ранее веровавшие евреи (природные ветви дерева) отломились неверием (ст.20), но те, которые не пребудут в неверии, могут привиться потом (ст.23).

Резкие изменения в природе спасительной веры объясняются двумя обстоятельствами. Во-первых, конкретный искупительный труд стал теперь свершившимся фактом, и спасительная вера должна была быть сориентирована непосредственно на это, а не только на общие обетования милостивого Бога. Теперь мы знаем, что прощение за грехи стало возможным лишь благодаря пролитой на кресте Крови Христа; следовательно, вера теперь должна быть "верой в Кровь Его" (Рим.3:25). Теперь мы знаем, что вечная жизнь возможна лишь благодаря воскресению Иисуса из мертвых; таким образом необходимо "сердцем верить, что Бог воскресил Его из мертвых" (Рим.10:9). Теперь мы знаем, что после Пятидесятницы Святой Дух изливается с небес и предлагается нам для возрождения и освящения; поэтому наша вера должна включить в себя это конкретное обетование Духа (Деян.2:38-39).

Вторым обстоятельством, требующим изменения природы спасительной веры, является тот факт, что этот искупительный труд совершен Богом, *Триединым* по Своей природе. Хотя концепция Троицы была предвещена в откровениях Ветхого Завета, Ее реальность так и не была прояснена. Но когда наступило время для конкретного запечатления в истории ис-

купительный деятельности Бога, триединую природу Бога более нельзя было скрывать, ибо конкретные искупительные деяния были осуществлены разными Лицами Троицы. Так, всякая спасительная вера в Бога в наше время должна быть верой в Бога, Который действительно спас нас, а именно в Бога, являющегося Отцом, Сыном и Святым Духом. Всякое отрицание Троицы равносильно отрицанию самой спасительной деятельности Бога. Эти два понятия: вера в Единого Бога в трех Лицах и вера в спасительный труд Бога — отныне неразрывно связаны между собой.

В этом заложена причина того, почему крещение добавлено в наш век в качестве нового условия спасения. Изменение в содержании спасительной веры заставило добавить это самое подходящее условие не в качестве нового условия как такового, а в качестве конкретного воплощения самой радикально изменившейся веры. Стало совершенно ясно, что ветхозаветный вид веры в Бога более недостаточен, и для спасения необходимо связать себя верой в Триединого Бога. Этим-то и объясняется, почему крещение осуществляется во имя Отца и Сына и Святого Духа. В этом деянии, на нас производит неизгладимое впечатление исключительная роль Бога-Сына, нашего Искупителя, и при крещении мы погрязаемся в Его смерть и воскресение для прощения наших грехов (Рим.6:3-5; Деян.2:38). В этом деянии в нашей жизни становится реальным присутствие Бога-Духа, ибо крещение — это момент, который выбирает Бог, чтобы преподнести нам "дар Святого Духа" (Деян.2:38). Это способ, к которому прибегает Бог, чтобы поднять нашу веру до уровня откровения Нового Завета о тройственной ипостаси Бога и самой спасительной деятельности.

Вот почему никакое крещение до Пятидесятницы нельзя даже сравнивать с христианским крещением. Крещение, которое осуществлял и проводил Иоанн, проходило в век ветхозаветной веры до завершения искупления (с участием Троицы и до того, как стали возможны отношения с Богом, основанные на Его Тройственной ипостаси. Это было настоящим "крещением покаяния для прощения грехов" (Лк.3:3), но специфические отношения с крестом и Кровью Христа не находили еще объяснения. Кроме того, еще не было даров Святого Духа (Ин.7:37-39). Поэтому было бы серьезной ошибкой думать, что крещение, осуществлявшееся Иоанном, и христианское крещение одинаковы по значению и смыслу. В день Пятидесятницы не делали исключений для тех, кто получил крещение от Иоанна: "По-

кайтесь, и да крестится *каждый из вас*" (Деян.2:38). Павел крестил по-христиански всех, получивших Иоанново крещение, главным образом потому, что последнее не предусматривало участия Троицаго Бога (Деян.19:1-6). Из Иоаннова крещения, включая крещение им Иисуса, вряд ли можно было многое почерпнуть для христианского крещения. Было бы неуместным использовать крещение Иисуса в качестве образца или примера для крещения в наши дни, как с точки зрения необходимости, так и значения данного акта.

Взаимоотношение между крещением и Троицей становится таким образом исключительно важным, и значение, которое получает этот акт в результате его неразрывной связи с триединой верой, трудно переоценить. Если мы придаем крещению меньший смысл, чем тот, который заложен в Новом Завете и, в частности, в Мтф.28:19-20, мы тем самым ослабляем значение глубокого исторического перехода от ветхозаветной веры в Бога, предшествовавшей триединой вере, к вере в Троицу Нового Завета, того перехода, который Сам Иисус Христос связал с христианским крещением. Точно так же, если мы не используем Троицаую формулу во время самого обряда крещения, то тем самым пренебрегаем одним из главных нововведений новой эры. Такое небрежение не обязательно сводит крещение на нет, но, несомненно, преуменьшает значение данного Иисусом поручения и упускает прекрасную возможность заявить о нашей вере в Троицу и внушить новообращенному, что он обязан своим спасением деятельности Отца и Сына и Святого Духа.⁵

IV. РЕЗЮМЕ

Относительно значения крещения, о котором говорится в Мтф.28:19-20, мы пришли к следующему выводу. Во-первых, сам факт особого упоминания крещения в данном получении и его отличие от акта обычного повиновения указывает на его уникальное значение в процессе приобщения к вере. Во-вторых, суть этой уникальности заключается в том, что крещение осуществляется "во имя" Троицы; при нем мы становимся собственностью Бога. И наконец, проявившаяся в Новом Завете потребность специфической веры в Троицаго Бога является основанием для привлечения крещения в качестве нового условия спасения, поскольку по замыслу оно связывает нас с Троицей как по символике, так и по существу.

Примечания

1. Hans Bietenhard, " *Βουσις*, etc.," Theological Dictionary of the New Testament, ed. Gerhard Friedrich, tr. Geoffrey W. Bromiley (Grand Rapids: Eerdmans, 1967), V:274-275.

2. Albrecht Oepke, " *βαπτισμα*, etc.," Theological Dictionary of the New Testament, ed. Gerhard Kittel, tr. Geoffrey W. Bromiley (Grand Rapids: Eerdmans, 1964), I:539.

3. См. G.R. Beasley-Murray, Baptism in the New Testament (Grand Rapids: Eerdmans, 1962), pp.90-91.

4. Murray J. Harris, "Appendix: Prepositions and Theology in the Greek New Testament", The New International Dictionary of New Testament Theology, ed. Colin Brown (Grand Rapids: Zondervan, 1978), III:1209.

5. Некоторые из этих материалов уже были использованы в книге автора What the Bible Says About God the Redeemer (Joplin, Mo.: College Press, 1987), pp.171-173.

